

Глава 8

Чжэн Шаньцы снял соломенную шляпу, открыв взору свое благородное лицо.

Юй Ланьи, увидев его, на мгновение лишился дара речи. В голове не укладывалось: как это мог быть Чжэн Шаньцы?!

— Три рыбины.

Юноша продолжал в упор разглядывать его, и лишь спустя секунду до него дошло, что тот отвечает на его вопрос.

— Одну приготовлю на пару, другую — в соевом соусе, а насчёт третьей ещё не решил, — невозмутимо пояснил Шаньцы.

Ланьи лишь безмолвно открыл и закрыл рот.

В груди его снова вспыхнуло раздражение, но ноги почему-то отказывались уходить. Он остался стоять в стороне, храня молчание. Шаньцы, видя, что гость не собирается продолжать беседу, преспокойно вернулся к своей дочке.

Послышался шорох травы — Юй Ланьи опустился на землю неподалёку. Прочистив горло, он всё же спросил:

— И что привело тебя рыбачить в такую глушь?

— Желание поесть.

Ответ был донельзя прозаичным и напрочь лишённым какого-либо изящества.

Ланьи окончательно потерял интерес к разговору, но с места не сдвинулся. Собеседник тоже не спешил поддерживать светскую беседу. Казалось бы, в такой ситуации должна была воцариться неловкость, но благодаря спокойствию, которое излучал Шаньцы, атмосфера вокруг стала на удивление мирной и даже безмятежной.

Юй Ланьи сам не заметил, как успокоился.

Он позволил себе расслабиться и медленно откинулся назад, растянувшись на траве. В нос ударил свежий аромат зелени, а звуки природы — стрекот цикад и пение птиц — стали казаться отчетливее. Повернув голову набок, юноша украдкой взглянул на Чжэн Шаньцы.

Тот сидел, поджав ноги; шляпа лежала рядом, открывая ясный лоб и спокойный взгляд.

Вокруг воцарилась тишина.

Конь был невысоким; вороной, напившись воды, побрёл на поиски хозяина. Подойдя ближе, он вытянул шею и принялся доверчиво тыкаться мордой в лицо Юй Ланьи. Тот, отбиваясь, шлёпнул скакуна по лоснящейся шее:

— Грязнуля, отойди!

Конь обиженно опустил голову и покосился на Чжэн Шаньцы.

Мужчина был полностью поглощён своим занятием, как вдруг из ведра донёлся плеск. Краем глаза он увидел, как лошадиная морда бесцеремонно сунулась в ведро, устроив там настоящий переполох и разогнав весь улов.

Конь, словно почуяв неладное, вскинул голову и поспешно зацокал копытами прочь.

Чжэн Шаньцы лишь тяжело вздохнул.

Юй Ланьи мельком глянул на ведро:

— Ну, они ещё живы.

Хотя выглядели рыбины скорее полумёртвыми.

Шаньцы не знал, злиться ему или смеяться.

— Следи за своим конём.

— Подумаешь, всего-то три рыбешки. Я тебе возьму убытки, чего ты заладил? — Ланьи выудил из-за пазухи десять медяков. Щёки его порозовели от волнения, делая лицо ещё краше.

— Вот, держи, — громко проговорил он. — Не думай, что я беден! Я только-только вышел из-под домашнего ареста и ещё не успел попросить денег у папы, отца или брата. А ежемесячное пособие у меня очень даже приличное!

Шаньцы и так догадался, что гэ'эр был наказан. Не успел он вымолвить и слова, как юноша ловким движением забросил монеты ему прямо в рукав. Надо признать, прицелился тот отменно — медяки пролетели по идеальной параболе.

После этого Юй Лань вскочил на ноги, явно не желая больше оставаться рядом с этим «скупердяем», который в его глазах всё больше походил на бессердечного предателя из дешёвых пьесок.

«Ну и нрав у него», — подумал Шаньцы.

Раздался негромкий шлепок.

Небо, словно решив испытать их, разверзлось. Крупные капли упали на макушку Лань, и в мгновение ока начался настоящий ливень.

Шаньцы споро собрал снасти и, подхватив ведро, огляделся в поисках укрытия.

Юй Лань растерялся. Река скрылась за пеленой дождя, а скакать верхом сейчас — значит промокнуть до нитки.

— Чего застыл? Беги под крышу! — Шаньцы, видя замешательство гэ'эра, схватил его за рукав и потянул за собой. Он помнил, что неподалёку стояла беседка.

Лань инстинктивно последовал за ним. Дождь застилал глаза, превращая дорогу в серое марево; капли стекали по лицу и подбородку, а под ногами хлюпала грязь. Юноша чувствовал, как в сапогах предательски хлюпает вода.

Волосы растрепались, и он выглядел теперь как мокрая курица.

Шаньцы снял свою соломенную шляпу и водрузил её на голову Лань. Сам-то он мог и потерпеть, но если бы с гэ'эром из поместья хоу Чанян что-то случилось по его вине, беды не миновать.

Он высматривал путь сквозь стену воды и, наконец, заметил очертания павильона. Глаза его блеснули, и он потянул спутника за собой.

— Почти пришли!

Мир перед глазами Лань потемнел — широкие поля шляпы надёжно укрыли его от ветра и дождя.

Он бежал следом, чувствуя, как Шаньцы крепко сжимает его рукав. Тот даже в спешке не позволил себе коснуться его руки. Лань моргнул и засмотрелся на широкую спину идущего впереди мужчины.

Дождь барабанил по шляпе, а их шаги по мокрой траве сопровождались громким всплеском воды. Ткань халата, промокнувшая насквозь, облепила тело Шаньцы, подчеркивая плавные линии его крепких мышц.

Хватка его была властной и не терпела возражений.

Лицо Юй Ланьи постепенно заливал густой румянец.

Едва они добрались до беседки, Шаньцы выпустил его рукав. Поставив ведро, он принялся выжимать подол своего халата — вода лилась с него ручьями.

Юй Ланьи присел на скамью и снял шляпу. Увидев, как Шаньцы бесцеремонно задирает полы одежды, он поспешно отвёл взгляд. Он, как истинный гэ'эр, не мог позволить себе такой вольности.

Шаньцы, видя, что ливень и не думает стихать, продолжал приводить себя в порядок. Огня у него с собой не было, так что оставалось только ждать.

— Выжми одежду, — посоветовал он юноше, — иначе подхватишь простуду. Метод не самый надежный, но всё лучше, чем сидеть совсем мокрым.

— Как же я её выжму?! — Ланьи замялся, чувствуя себя неловко под взглядом мужчины.

— Я отвернусь, — спокойно ответил Шаньцы.

Только тогда Ланьи решился немного отжать края своей куртки. На нём был наряд для верховой езды, так что управиться было легче, чем с длинным халатом. После он стянул сапоги, в которых воды было едва ли не по щиколотку.

— ...Всё, — негромко проговорил он.

Шаньцы обернулся. Ланьи сидел, поджав губы, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать разговор.

— Как только я доберусь до пастбища, люди оттуда отправятся на твои поиски. Тогда ты сможешь там обсохнуть и подождать, пока дождь утихнет.

— Спасибо, — буркнул Ланьи.

Затем он чуть приподнял уголок губ и заносчиво вздернул подбородок:

— Ну, хоть в чём-то ты оказался сообразительным.

Чжэн Шаньцы взглянул на него и тут же отвёл глаза. Этот юноша был невыносимо дерзок, но при этом обладал красотой столь яркой, что она могла затмить весенние цветы. К счастью, сам он был натуралом и мужчинами не интересовался.

Сейчас в его глазах Юй Ланьи был просто «тем парнем».

***

Люй Цзинь и впрямь привёл людей на поиски. Ланьи скакал слишком быстро, и его друг, не поспевая, вернулся на пастбище за помощью, когда начался ливень. Услышав, что второй молодой господин пропал, управляющие не на шутку перепугались: все знали, как в доме хоу Чанян дорожат Юй Ланьи. Если с ним что-нибудь случится, головы им не сносить.

Слуги быстро отыскали беседку и забрали обоих молодых людей.

В поместье пастбища для них приготовили горячий имбирный отвар. Юй Ланьи, Люй Цзинь и Чжэн Шаньцы осушили по чашке.

Хозяин пастбища радушно протянул Шаньцы сверток с одеждой:

— Вот, возьми, милоч. Это мне жена сшила, я ещё ни разу не надевал. Переоденься в сухое, не ровен час разболеешься.

Шаньцы не стал чиниться и с благодарностью принял подношение. В это время медицина была бессильна перед обычной простудой, а он дорожил своей жизнью.

Вскоре служанка принесла грелку. Она была на редкость учтива и, присев в поклоне, мягко проговорила:

— Мой молодой господин заметил, что вы попали под ливень, и побоялся, как бы вы не озябли. Возьмите этот теплый мешочек, он поможет согреться.

— Передай мою искреннюю благодарность твоему господину, — ответил Шаньцы.

Служанка, миловидная девушка, улыбнулась:

— Не стоит благодарности, господин. Наш молодой хозяин и господин Юй — друзья с самого детства. А теперь простите, у меня ещё много дел.

Едва она вернулась в дом, как услышала голос Люй Цзиня, который подтрунивал над другом:

— И как же это вас угораздило встретиться? Я присмотрелся к нему издали — и впрямь хорош собой, статен, и видно, что не глуп. Да, происхождение подкачало, но кто знает, как сложится его судьба? С поддержкой твоего отца и брата тебе нечего бояться.

Голос Юй Ланьи так и сочился гневом:

— Нет у нас никакой судьбы! Нас связали насильно!

— Раз не хочешь слушать, я замолчу, — примирительно отозвался Люй Цзинь. — Давай, допивай отвар, и как дождь кончится — сразу домой.

Ланьи что-то недовольно буркнул и, морщась, допил лекарство.

Когда ливень поутих, Люй Цзинь велел запрягать экипаж. Юй Ланьи к тому времени тоже переоделся — он часто бывал здесь и держал на пастбище сменную одежду.

Он уже забирался в карету, намереваясь поскорее вернуться домой и позвать лекаря для осмотра.

— Сходи проверь, здесь ли ещё господин Чжэн, — велел Люй Цзинь служанке. — Для него готова отдельная повозка.

Девушка вскоре вернулась:

— Молодой господин, господина Чжэна и след простыл. Сказал, что пока дождь стих, он одолжит зонт и пойдёт сам.

— Что ж, тогда едем.

Люй Цзинь сел в карету. Юй Ланьи, слышавший их разговор, почувствовал укол досады. Шаньцы ушёл один, даже не удосужившись попрощаться.

Кучер тронул лошадей, и колеса, оставляя глубокие следы в размокшей земле, покатались в сторону столицы.

***

Чжэн Шаньцы понимал, что ему нельзя появляться в городе вместе с Юй Ланьи — слухов и так было предостаточно. Он заранее попросил хозяина пастбища не задерживать его и не

беспокоить господ.

Вернувшись, он наладил вопрос с питанием и больше не выходил из дома. К счастью, ливень не подорвал его здоровье, и он чувствовал себя бодрым. В назначенный день аттестации в Министерстве чинов он облачился в строгий халат и отправился в путь.

Министерство располагалось в пределах Императорского города. Вместе с ним на вакантное место претендовали ещё пятеро — и все они были цзиньши из небогатых семей.

Когда Шаньцы прибыл на место, остальные кандидаты уже были в сборе. При его появлении взгляды их стали колючими и недоброжелательными. Они считали, что Чжэн Шаньцы, сумевший пристроиться к дому хоу Чанянь, не должен был претендовать на скромную должность начальника уезда Синьфэн.

— Брат Чжэн, я — Фан Цзюэ. По всем правилам, тебе не стоило бы участвовать в этой аттестации. Или ты уже заручился тайной поддержкой и знаешь исход? — вкрадчиво спросил один из ученых с безупречной осанкой.

За его вежливым тоном скрывалась ядовитая злоба.

Шаньцы спокойно сложил руки в приветствии:

— Чиновники министерства выдали мне пропуск, а значит, я полностью соответствую всем критериям. Что же касается ваших слов, брат Фан... уж не намекаете ли вы, что господа из министерства вступили со мной в преступный сговор? Назовите же имя того, в ком сомневаетесь, — тогда и я, и этот почтенный муж сможем дать вам надлежащие объяснения.

Лицо Фан Цзюэ пошло пятнами, он раздраженно взмахнул рукавом:

— Брат Чжэн, я лишь пошутил.

— И я тоже, — парировал Шаньцы.

В чиновничьем мире стоит лишь раз проявить слабость, и тебя тут же сочтут легкой добычей. Но Чжэн Шаньцы не был «мягкой хурмой», которую легко раздавить; он был крепким орешком.

К тому же за эти дни, проведенные за книгами, в нем накопилось немало раздражения, и Фан Цзюэ очень некстати попался ему под руку.

Аттестацию проводил советник Люй. Он велел всем занять свои места.

— Темой сегодняшнего испытания будет рассуждение о делах сельских в пределах уезда.

Древняя традиция двора — всегда уделять особое внимание земледелию.

Шаньцы приподнял бровь. Расстелив лист бумаги и быстро набросав план в голове, он принялся писать.

«Фань Чи просил научить его земледелию, на что Конфуций ответил: "Я смыслю в этом меньше, чем старый крестьянин..."» — начал он, используя изречение из «Лунь юй», чтобы подвести к собственным взглядам на аграрный вопрос. Затем его кисть уверенно перешла к концепции «трёх сельских проблем».

«Суть дела заключается в трёх аспектах: первый — это деревня, второй — сельское хозяйство, третий — крестьянство. Каждый из этих столпов имеет свою ценность, свои временные и пространственные рамки... Ибо пять злаков — это жизнь народа и незыблемая основа государства».

<http://bllate.org/book/15809/1423058>